

Серегина Елена Евгеньевна

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В ФИЛОСОФСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

В статье рассматривается вопрос о влиянии церковнославянской традиции на развитие русского языка и культуры. Особое внимание уделяется философским и лингвистическим исследованиям, в которых предлагаются альтернативные варианты развития литературно-письменного языка на Руси. Один из сценариев потенциального прошлого изложен в соответствии со взглядами Г. Г. Шпета и Г. П. Федотова, которые рассматривали в качестве альтернативы церковнославянскому языку греческий язык. На примере статьи А. В. Исаченко исследуется возможность зарождения литературного языка на собственно русской основе в XVI веке на территории Новгорода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 144-148. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Приведенные выше примеры говорят о сжатости, лаконичности фразовых глаголов, о том, что они являются эффективным средством языковой экономии. Они упрощают язык, выражают действие точнее, образнее по сравнению с обычными синонимичными глаголами.

Подводя итог всему вышесказанному, нужно отметить, что фразовые глаголы имеют целый ряд специфических особенностей, представляющих трудность для изучения английского языка и требующих дальнейшего глубокого и всестороннего исследования. Среди них особый интерес вызывают семантические отношения между составными частями фразовых глаголов, многозначность, многообразие, идиоматичность. Анализ представленного материала показывает, что фразовые глаголы характерны не только для повседневной разговорной речи, но и являются полноправной частью языка профессионального общения. Очевидно, такая популярность фразовых глаголов объясняется их семантической сжатостью и большей информативностью, тем, что они могут выступать высокопродуктивным средством языковой экономии. Функционирование фразовых глаголов в языке профессионального общения напрямую связано с подвижностью данных языковых сочетаний, их способностью приобретать новые и трансформировать уже имеющиеся лексические значения для распространения их на новые понятия и явления.

Список источников

1. Митрошкина Т. В. Английские фразовые глаголы: учебный справочник. Минск: ТетраСистемс, 2011. 96 с.
2. Солодушкина К. А. Modern Dictionary of Phrasal Verbs and Idioms in the Language of Business. Современный словарь фразовых глаголов и идиом в сфере экономики и бизнеса. СПб.: Антология, 2008. 800 с.
3. Третьякова А. А., Солкова Н. М. Фразовые глаголы: готовимся к ЕГЭ по английскому языку: учебно-методическое издание. Северодвинск: Перспективы, 2016. 28 с.
4. Cullen K., Hands P., McGovern U., Wright J. A Guide to Phrasal Verbs. Boston: Chambers Harrap Publishers Ltd., 2000. 184 p.
5. Macmillan Exam Skills for Russia: Grammar and Vocabulary Student's Book. L.: Macmillan Publishers Ltd., 2010. 225 p.
6. Richard A. Spears. McGraw-Hill's Essential Phrasal Verb Dictionary. N. Y.: The McGraw-Hill Companies Inc., 2007. 257 p.

**FEATURES OF PHRASAL VERBS IN MODERN ENGLISH AND THEIR USE
IN THE LANGUAGE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION**

Rokunova Natal'ya Ivanovna, Ph. D. in Culturology
Ogarev Mordovia State University, Saransk
rokunova@inbox.ru

The article focuses on phrasal verbs in modern English. The author considers the main features of phrasal verbs, their functioning in speech, both on domestic and on professional level. The paper gives examples of phrasal verbs, their lexical-semantic variants, related both to everyday colloquial and specialized vocabulary. The author analyzes phrasal verbs, referring to the contemporary phraseological dictionaries, proving that they can be a full part of the language of professional communication.

Key words and phrases: phrasal verbs; professionalisms; language of professional communication; features of phrasal verbs; specialized vocabulary.

УДК 811.163.1

В статье рассматривается вопрос о влиянии церковнославянской традиции на развитие русского языка и культуры. Особое внимание уделяется философским и лингвистическим исследованиям, в которых предлагаются альтернативные варианты развития литературно-письменного языка на Руси. Один из сценариев потенциального прошлого изложен в соответствии со взглядами Г. Г. Шпета и Г. П. Федотова, которые рассматривали в качестве альтернативы церковнославянскому языку греческий язык. На примере статьи А. В. Исаченко исследуется возможность зарождения литературного языка на собственно русской основе в XVI веке на территории Новгород.

Ключевые слова и фразы: церковнославянский язык; Геннадиевская Библия; греческий язык; русский литературный язык; альтернативная история языка.

Серегина Елена Евгеньевна, к. филол. н.
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва
anel1974@bk.ru

**ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК
В ФИЛОСОФСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА:
К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ ЯЗЫКА**

Неповторимое своеобразие современного русского литературного языка во многом определилось благодаря его связи с языком церковнославянским. Констатация этого факта не исключает наличия нерешенных

проблем в истории русского литературного языка, при этом большая часть дискуссий сводится к выявлению сути соотношения русской и церковнославянской стихий: происхождение русского литературного языка, трактовка языковой ситуации в Киевской Руси, проблема второго южнославянского влияния. Ответы на эти вопросы даются самые разные, порой взаимоисключающие. Бесконфликтно в научной дискуссии формулируется один ответ: церковнославянская традиция, являясь важнейшим элементом национальной истории, культуры и духовности, оказывала положительное влияние и на развитие русского языка. Но это единодушие очевидно лишь на первый взгляд, так как другая точка зрения в отношении славянского языкового феномена, а именно его негативная оценка, обычно не представлена в научной литературе. И на это есть веские причины. Подобные работы не принято обсуждать, прежде всего, потому, что авторские высказывания уводят читателей в область условной истории: «Если бы не церковнославянский язык, то...». Далее следует описание средневекового государства с процветающими наукой, философскими знаниями, открытой возможностью «читать Гомера» и «философствовать с Платоном». И все это о Киевской Руси, которая могла бы принять христианство не на славянском, а на греческом языке.

Конструирование русской действительности без церковнославянского языка получило развитие в философских работах первых десятилетий XX века – в «Очерке развития русской философии» Г. Г. Шпета (1922 г.) и в статье Г. П. Федотова «Трагедия интеллигенции» (1926 г.). Исследователи отдавали предпочтение греческому языку как представителям философии: преемственная связь с античной традицией с выработкой на ее основе понятийного аппарата, методологии и общей культуры научной рефлексии представлялась им большей ценностью, чем сохранение славянской языковой базы. Если языковой барьер отгораживает общество от освоения античной традиции, культура не получает импульса к углубленному развитию, а народ на многие века погружается во всеобщее невежество и мрак. Такой и была история допетровской России, по мнению как Шпета, так и близкого ему в ряде моментов Федотова.

Шпет считал, что церковнославянский язык закрыл путь Руси к чтению греческих или римских авторов, погрузив ее «в море невежества и невежества». Он пишет: «Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Что мог принести с собой язык народа, лишённого культурных традиций, литературы, истории? Солунские братья сыграли для России фатальную роль...» [5, с. 55]. Федотов указывает, что отсутствие греческого языка в качестве богослужебного и, соответственно, общедоступность славянского текста привели к тому, что «монах и книжник Древней Руси был очень близок к народу – но, пожалуй, чересчур близок. Между ними не образовалось того напряжения, которое дается расстоянием... Снисхождению учителя должна отвечать энергия восхождения – ученика» [4, с. 75].

Федотов моделирует идеальную, но неправдоподобную образовательную среду средневековой Руси: блестяще образованный книжник, знаток греческого языка, античной философии и сочинений Отцов Церкви должен был вести одаренных и наделенных ищущим духом выходцев из народа к интеллектуальным и богословским высотам. Как показывает материал берестяных грамот из Новгорода и других русских городов, население в целом владело письмом, и этого было достаточно, чтобы поддерживать ежедневную частную переписку, учить детей, вести хозяйственные расчеты, давать поручения своим домочадцам, делать заказы на иконы, переписывать молитвы. Более утонченных знаний горожанину, а тем более крестьянину, не требовалось. Сложно представить, что в условиях господства греческого языка на Руси простой народ смог бы ответить книжникам-учителям «энергией восхождения»: на освоение «чужого» языка потребовались бы значительные временные ресурсы, их не было у земледельца и ремесленника, к тому же для интеллектуального труда требуются определенные способности, систематические занятия. В такой ситуации учитель остался бы наедине со своими знаниями. А между тем древнерусские интеллектуалы греческим языком владели и без литургического его употребления.

Построение «другой» истории языка не может быть подвергнуто строгой научной верификации, так как в прогностических исследованиях анализируются не конкретные (языковые и исторические) факты, а дается предполагаемый, альтернативный сценарий прошлого. Тем самым авторы подобных работ *a priori* свободны от ответственности за предложенную реконструкцию. Может быть, поэтому выводы исследователей зачастую тенденциозны, а общий стиль работ категоричен, порой жесток и даже насмешлив. Так, эпитеты и характеристики для первого литературного языка славян у Шпета представляют собой метафоричные выражения или развернутые описания с отрицательными оценочными коннотациями: «болгарский туман» или «буквенные сети “болгарского” перевода» [5, с. 55-56, 64]; о «страшной немоте Древней Руси», ее косноязычии, «параличе языка» пишет Федотов [4, с. 76].

Однако игнорировать мнение этих образованнейших и вдумчивых исследователей с научной точки зрения неверно. Резкие выпады в отношении церковнославянской письменности следует отделять от работы мысли, вложенной в текст. В конечном итоге попытки вскрытия и ревизии традиционной оценки, переходящей из работы в работу (о положительной роли церковнославянского языка), стимулируют выйти из режима автоматизма, перепроверить аргументы в защиту славянского наследия и найти новые, если они необходимы. Самым важным результатом критического разбора таких работ становится переоценка роли церковнославянского языка, причем в его пользу.

Следует сразу оговориться: исследования с альтернативным сценарием развития русского языка – то есть с ранним отказом от церковнославянской традиции – единичны. В 1973 году в «Венском славистическом ежегоднике» вышла статья чехословацкого русиста А. В. Исаченко, которая в 1998 году была опубликована в «Вестнике РАН» под заглавием: «Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой

(Об одном несостоявшемся варианте истории русского языка)» [1, с. 970-974]. В зону конфликта автор статьи помещает два города – Москву и Новгород и две языковые системы – церковнославянский язык и живую русскую речь в ее северо-западном варианте. Таким образом, в построениях лингвиста Исаченко, в отличие от реконструкции с «греческим вариантом» литературно-письменного языка Шпета и Федотова, конкуренция развивается между церковнославянским и русским языком. Потенциальное прошлое выстраивается следующим образом: в конце XV века Новгород объединяет русские земли, в XVI веке Священное Писание переводится на русский язык, а церковнославянский язык уходит на второй план или попросту вытесняется. Образование русского литературного языка и зарождение классической литературы при таком развитии событий Исаченко относит к началу XVII века [Там же, с. 973].

В «сухом» пересказе альтернативной истории прошлого не учитывались личные оценки автора статьи, которые в некоторых случаях придают излишне резкий характер его суждениям, а также те выводы, которые напрямую противоречат последним достижениям в области исторической русистики. Все это подробным образом разбирается в поступивших рецензиях на статью, опубликованных в «Вестнике РАН» [2, с. 1119-1121; 3, с. 1121-1123]. Однако некоторые положения А. В. Исаченко требуют комментария, так как напрямую относятся к теме настоящей статьи.

Итак, начало XVI века на Руси могло ознаменоваться эпохальным культурным событием – переводом Священного Писания с церковнославянского языка на русский язык. Так считает А. В. Исаченко. Теперь соотнесем эту реконструкцию с реальной историей. Только в 1499 году на Руси появляется первый полный библейский свод, который получает название Геннадиевской Библии. С конца XV и до середины XVIII века, то есть на протяжении 250 лет, осуществляется непрерывный процесс редактирования и языковой нормализации славянского текста Священного Писания, который завершается изданием в 1751 году Елизаветинской Библии.

Таким образом, в изложении А. В. Исаченко история языковых и текстологических преобразований славянской Библии должна была закончиться к XVI веку. По всей видимости, исследователь полагал, что к этому времени тексты церковно-книжной традиции в основных своих чертах достигли нормализации, поэтому церковнославянский язык как «отработанный» материал должен был отойти на второй план, а «новый письменный язык, в фонетическом, морфологическом и синтаксическом отношении русский и только теперь ставший поистине литературным, начал бы свое триумфальное шествие по всей стране» [1, с. 973].

Геннадиевская Библия, по мнению А. В. Исаченко, знаменует собой «упущенный исторический шанс». Вместо того, чтобы переводить библейский кодекс (которого в едином виде еще не существовало!) на русский язык, новгородские книжники на протяжении нескольких лет работали с различными рукописями, собирая воедино все книги Ветхого и Нового Завета. Каждому лингвисту понятно, какой большой труд был проделан книжниками геннадиевского кружка. Такие оценки – сожаление о том, чего не произошло, и абсолютное игнорирование реального масштаба события – являются характерной чертой многих альтернативных историй прошлого. Как полагает А. В. Исаченко, несостоявшийся перевод Священного Писания затормозил развитие русского литературного языка, а последнее обстоятельство определило общее «отставание русской культуры в допетровский период» [Там же, с. 971].

В подобной реконструкции событий нельзя не увидеть произвольную редукцию одной истории – церковнославянского языка – и преждевременное инициирование другой – русского литературного языка. Построения А. В. Исаченко не соответствуют логике развития языковых систем, как они существовали на Руси. Сначала осуществлялась нормализация церковнославянского языка, которая поддерживалась созданием грамматических сочинений, авторитетных (богослужбных и четых) изданий. При этом редакторские sprawy не мешали русскому языку двигаться в становлении собственных норм, но это происходило постепенно. В XVI веке живая русская речь не могла стать основой перевода Священного Писания, как и не мог образоваться русский литературный язык, так как в принципе не существовало образцовых текстов, грамматик, то есть всего того, чем располагал церковнославянский язык к XVII веку. К тому же создание русского литературного языка на основе живой речи невозможно осуществить исключительно в церковной среде при переводе основополагающего конфессионального текста – Библии: в этой ситуации книжники все равно бы находились под мощнейшим славянским влиянием.

Гипотетическая реконструкция истории XVI века у Исаченко деперсонализована. В его рассуждениях – «перевод Священного Писания на русский язык был бы неминуем», «был упущен исторический шанс» – ни разу не встречается хотя бы предположение о том, кто из знаменитых книжников XVI века мог бы взять ответственность за русский перевод. Максим Грек? Но он занимался исправлением церковнославянских текстов и развивал другую идею – о первостепенном значении греческого языка для улучшения славянского перевода Библии. Уместно вспомнить и тот факт, что только лишь грамматические замены в церковнославянском тексте стали основой для некоторых обвинений, предъявленных Максиму Греку на суде. О каком русском переводе Библии, одобренном церковной властью, может идти речь в это время?

Правда, А. В. Исаченко связывает перевод Священного Писания на русский язык с новгородским движением жидовствующих, среди которых действительно были высокообразованные люди. Он пишет: «Если бы ересь “жидовствующих” не была ликвидирована вскоре после ее появления, если бы Новгороду был дан шанс развивать и пропагандировать (*пропагандировать* – Е. С.) новое религиозное учение, то перевод Священного Писания на русский язык был бы неминуем» [Там же, с. 973]. Еретикам были предоставлены гораздо большие возможности, чем те, о которых пишет Исаченко: лидеры этого движения распространяли свое учение не только в Новгороде, но и в Москве среди близких к великокняжескому окружению людей. Более того, сам великий князь Иван Васильевич III в 80-90-х годах XV века покровительствовал дьяку Федору Курицыну, своей снохе Елене Волошанке с сыном-наследником великим князем Дмитрием Ивановичем,

то есть тем, кто разделял взгляды «жидовствующих». Но и выходцы из Новгорода, и их московские единомышленники направили свою энергию на борьбу между различными боярскими группировками. Русский перевод Библии не входил в область их интересов.

В альтернативном варианте развития языка, предложенном А. В. Исаченко, по меньшей мере, выявляются три главных недостатка: отказ в естественном развитии каждой из языковых систем (церковнославянской и русской), игнорирование персонального фактора в историческом процессе и отсутствие того, что в немецкой культуре исследований называется *linguistische Akribie* (лингвистическая дотошность). Автор «жонглирует» фактами, событиями, но не считает нужным тщательным образом анализировать их. А. В. Исаченко, как кажется, намеренно наделяет церковнославянский и русский язык внутренним антагонизмом по отношению друг к другу, разрывая изначально установившуюся связь между ними. Исследователям хорошо известно, что с момента своего появления на Руси церковнославянский язык приобрел черты русского извода, а славянизмы употреблялись в восточнославянской речи уже в древнейший период. Это было не противостояние, а сосуществование двух языковых стихий, в каждой из которых и в настоящее время можно выявить многочисленные следы взаимного влияния. Нами была приведена лишь небольшая часть лингвистических «нестыковок» исследователя, за рамками обсуждения осталась вся историческая составляющая и личные оценки автора, в которых просматривается предвзятое отношение к церковнославянской традиции.

Итак, в философском и лингвистическом дискурсе гипотетическая реконструкция истории России – либо совсем без церковнославянского языка, либо с ранним отказом от него в пользу русского – неизменно изображается в оптимистическом варианте: цветущая культура с философией, науками, университетами... Ведь такой, по мнению Федотова, была жизнь «талантливого и удачливого» Запада, овладевшего «чудесным ключом – латынью», когда «в самые темные века... монах читал Вергилия, чтобы найти ключ к священному языку церкви, читал римских историков, чтобы на них выработать свой стиль» [4, с. 74]. Отказ от импорта греческого языка на Русь или же досадная отсрочка литературного нормирования русского языка – все это приводит Шпета, Федотова, Исаченко к общему итогу: «виноват» церковнославянский язык, который веками «отягощал» русскую культуру, мешал ей стать частью просвещенной европейской семьи.

Анализ работ, в которых рассматриваются возможные, но несостоявшиеся варианты развития языка и русской культуры, показывает, что выводы исследователей во многом обусловлены спецификой их научных интересов. Разве удивительно, что философы Шпет и Федотов сосредоточили свое внимание на преимуществах философски выкованного греческого языка, а славист Исаченко, автор книг по истории русского языка, отдал предпочтение интересующему его объекту исследования.

Не забудем и о том, что между строк во всех этих текстах вычитываются личные переживания конкретных людей: Г. П. Федотов и А. В. Исаченко – эмигранты со сложным отношением к современной им России. Недалеко их исследования объединяет интерес к Новгородской земле, они настойчиво подчеркивают в ее истории стремление к политической и языковой свободе. Федотов пишет о глубоком своеобразии новгородской культуры: «Здесь, на Севере, Русь перестает быть робкой ученицей Византии и, не прерывая религиозно-культурной связи с ней, творит свое – уже не греческое, а славянское или, вернее, именно русское – дело» [Там же, с. 75]. Славист Исаченко идет дальше: в северном центре Руси он видит возможность зарождения русского литературного языка, если бы только не Москва «с ее ультрареакционным изоляционизмом», она не могла «превратить полуазиатское государство в европейскую державу» [1, с. 973]. Федотов и Исаченко в настоящем не видели возможности противопоставить советской действительности такую часть русской земли, которая ассоциировалась бы со свободой; но такую возможность они увидели в прошлом России – в новгородской традиции самоуправления, «вольности» и самобытности.

Сама возможность построения «другой» истории языка предполагает, что на каждый вариант развития событий можно дать альтернативный сценарий. Предположим, что мы действительно можем «аннулировать» те экономические, политические, культурные факторы, которые заставляли Русь не только тянуться к Византии, но и дистанцироваться от нее, и в условиях такой «редукции истории» пометать о том, как развивались бы события, если бы Русь приняла христианское вероучение на греческом языке. Детальная проработка подобного развития событий требует отдельного исследования, прежде всего, оно должно показать, что подобное «окно возможностей» вообще существовало в тех конкретных исторических условиях. Но даже если это и так, есть основания полагать, что греческий язык в качестве богослужебного не способствовал бы массовому «метафизическому просвещению». Он способствовал бы глубокому культурному и социальному разрыву между высшими иерархами и простыми священниками. Сочинения греческих Отцов Церкви, Платона и Гомера (не очень понятно, с какой стати поощрялось бы чтение Платона и Гомера клириками) были бы, вероятно, доступны высокообразованному духовенству, но большая часть клира умела бы озвучить, в лучшем случае приблизительно истолковать, но никак не детально разобрать иноязычные тексты. А простое население так и вовсе не понимало бы богослужения, как не понимало латинской литургии западное простонародье.

При таком развитии событий перевод Священного Писания на русский язык действительно мог состояться довольно рано, чего желал в своей версии А. В. Исаченко. Но надо понимать, что сейчас мы жили бы с другим литературным языком и другой культурой, причем духовное богатство и насыщенность высокими смыслами этой «альтернативной речи» еще надо обосновать – причем в сравнении с реальной историей языка, которая отнюдь не привела его к фатальной нищете, а напротив, необыкновенно обогатила. В любом случае типологически схожие исследователи выстраивали бы сегодня новую альтернативную историю, но уже с другим акцентом: «Ах, если бы не греческий язык! как бы зажили, заговорили, расцвели...».

С момента публикации статьи А. В. Исаченко в отечественном научном издании прошло 19 лет. Еще больше времени прошло с момента выхода работ Г. Г. Шпета и Г. П. Федотова. В чем польза от возвращения в научный оборот «альтернативных» версий истории нашего языка, удачных или не слишком? Ответ прост: продумывание тех исторических развилки, которые указаны в трудах Шпета, Федотова, Исаченко повышает нашу исследовательскую культуру, позволяя заново оценить то, что мы имеем благодаря церковнославянской письменности.

И последнее: у наших предшественников есть чему поучиться в плане научной этики. Каждый из них бесстрашно изложил собственное видение проблемы, зная, что оно не совпадает с общепринятой точкой зрения и может не встретить поддержки даже в кругах узких специалистов.

Список источников

1. **Исаченко А. В.** Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой (Об одном несостоявшемся варианте истории русского языка) // Вестник Российской академии наук / Президиум РАН. М., 1998. Т. 68. № 11. С. 970-974.
2. **Крысько В. Б.** «Без гнева и пристрастия...» // Вестник Российской академии наук / Президиум РАН. М., 1999. Т. 69. № 12. С. 1119-1121.
3. **Супрун В. И.** Смелый эксперимент. Два отклика на статью А. В. Исаченко «Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой (Об одном несостоявшемся варианте истории русского языка)» (Вестник РАН. 1998. № 11) // Вестник Российской академии наук / Президиум РАН. М., 1999. Т. 69. № 12. С. 1121-1123.
4. **Федотов Г. П.** Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2-х т. СПб.: София, 1991. Т. 1. С. 66-101.
5. **Шпет Г. Г.** Очерк развития русской философии: в 2-х ч. / отв. ред.-сост., коммент., археограф. работа Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2008. Ч. I. 592 с.

**CHURCH SLAVONIC LANGUAGE IN THE PHILOSOPHICAL
AND LINGUISTIC DISCOURSE OF THE XX CENTURY:
ON THE ISSUE OF THE ALTERNATIVE HISTORY OF LANGUAGE**

Seregina Elena Evgen'evna, Ph. D. in Philology
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow
anel1974@bk.ru

The article considers the influence of the Church Slavonic tradition on the development of the Russian language and culture. Particular attention is paid to philosophical and linguistic studies, which offer alternative options for the development of the literary and written language in Russia. One of the scenarios of the potential past is outlined in accordance with the views of G. G. Shpet and G. P. Fedotov, who considered the Greek language as an alternative to the Church Slavonic language. By the example of A. Isachenko's article the possibility of the birth of literary language on the Russian basis in the XVI century on the territory of Novgorod is studied.

Key words and phrases: Church Slavonic; Gennady's Bible; the Greek language; the Russian literary language; alternative history of language.

УДК 811.512.157'35

Орфография требует постоянной нормализаторской деятельности, упорядочивания, регламентации, а также учета реальной практики письма. Так, в 2015 году Правительством Республики Саха (Якутия) были утверждены Правила орфографии и пунктуации якутского языка и на их основе издан «Орфографический словарь якутского языка». Статья посвящена анализу новой редакции словаря. Авторами подробно изложены изменения, дополнения, исключения, введенные в словарь.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; якутская орфография; правила орфографии; орфографический словарь; заимствованные слова; варианты слова.

Слепцов Петр Алексеевич, д. филол. н., профессор
Васильева Надежда Матвеевна, к. филол. н.
*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск*
petr.slepcev@mail.ru; tnm69@mail.ru

О НОВОМ ИЗДАНИИ ЯКУТСКОЙ ОРФОГРАФИИ

Якутское общество хорошо осознает роль и значение национального литературного языка как силы, объединяющей и сплачивающей нацию, обеспечивающей преемственность поколений и поступательное развитие самой нации по пути прогресса и цивилизации, и наконец, как гаранта выживания самого языка. Поэтому общество решительно намерено оберегать нормы литературного языка, обеспечивать их стабильное развитие. Как справедливо полагает большинство населения, решающая роль в этом принадлежит хорошо обработанной, всемерно учитывающей языковую практику, имеющей прочную научную основу и в то же время всем понятной и обязательной для всех орфографии.